

М. ЭСКИНА • КОЛЮЧИЙ СВЕТ

Марина Эскина

КОЛЮЧИЙ СВЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПУШКИНСКОГО ФОНДА»
Санкт-Петербург • ММII

Марина Эскина

КОЛЮЧИЙ СЕТ

В Т О Р А Я К Н И Г А
С Т И Х О Т В О Р Е Н И Й

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПУШКИНСКОГО ФОНДА
Санкт-Петербург • ММII

ББК 84. Р7
Э 85

Фотография автора
на второй стороне обложки
работы *Л. Маргулиса*

Тексты печатаются
в авторской редакции

СОЛОМЕННЫЕ
ЗВЕЗДЫ

В чужом — дрожание соломенной звезды,
В своем глазу и Землю не заметишь,
Большую, как слеза. Скатилась и — в кусты,
Как с горки, по щеке.

Пока ты ересь мелешь —
Что так, мол, по вселенной странствуют миры,
В обугленных зрачках рождаются и тают
Бильярдные шары божественной игры.
Или Путями Млечными плутают...
Пока ты говоришь, пока прядется нить,
Пока веретено воздушное вертится,
Так плачется легко и всласть, что, может быть,
Унынья грех моей душе простится.

* * *

Запусти мне воздушного змея.
В вихрях солнца, песка и воды
только он, разгоняясь, умеет
всю безудержность взять от узды,
напряженье связующей нити,
упованье, паренье, восторг.
Для него неизбежность событий
мощным выдохом ветер расторг.
Отпусти мою нить, не жалея,
слух наполни мне, выправи взгляд
высью,
 где, голубея, чернея,
девять Дантовых дисков звенят.

Так далеко от меня все, что кажется близким.
Кто-то хотел обмануть, но потом передумал.
После назвал эту злую оплошность английским юмором и настоял:

у тебя на роду, мол,
было написано — страх, любопытство и цепкий,
все подмечающий, алчущий взгляд половины
в поисках целого.

В жизни, как в жанровой сценке
малых голландцев, сначала детали повинны
в нашем внимании. Только когда поиграешь
их пестротой,

чехарду перспективы и света,
тени и пыльного воздуха переживаешь,
как откровение и продолжение сюжета,
где за холстом, за углом, за прощальной, расхожей
фразой, за взглядом последним, уже незнакомым,
ждет говорящий Грифон,

и в холодной прихожей
строгий дворецкий с косой и оксфордским дипломом.

Разнуздался в нашем веке ужас.
Кажется, чего еще бояться.
Оттого и страхи стали глубже,
глуше, примитивнее.

Паяцы,
скоморохи замелькали в шапках пестрых.
Чашу не отводят трезвый, пьяный...
И, краев не замечая острых,
всяк пригубит напиток пряный.
Укачает в сон потом слепой, кромешный
в гамаке из длинных и коротких
волн.

Стихи уместны, друг мой нежный,
Лишь в рекламах и метеосводках.

Сколько грусти в твоём лаконичном письме...
Из электронной почты

«Сколько грусти в твоём лаконичном письме», —
Так Сенека Луцилию пишет. И мне
Невзначай адресована фраза —
В гранях смысла дороже алмаза.

Но не в первых строках мне её подадут —
Не приветственный жест, а прощальный салют.
Не заботливое обещанье,
Но черта, за которой молчанье.

Прилетело письмо. Задержать бы чуть-чуть
То, что без позволения пускается в путь
Сквозь года, города, океаны.
И века навещает, как страны.

Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Вот если бы не сгоряча, не с горя,
Назойливый отталкивая край,
Решать: что лучше, с поговоркой споря,
Которая не кошке на заборе —
Мне щедро предлагает: выбирай.

Лети, журавль, не отставай, синица.
Зачем нам — молчаливая — в руке.
Попробуем напиться из копытца
Другой пословицы. Проговориться
На непереводимом языке.

Изгнанья не было и бегства, впрочем, тоже.
Мы просто дверь нашли полуоткрытой
И ускользнули. Так перемешались
Отчаянье, отчасти любопытство,
С охотой к перемене мест и жаждой
Узнать, чего ты стоишь. Не в профкоме,
Не от друзей. А в диких джунглях рынка
Свободного. Не больше и не меньше.

Мы преодолевали тяготенья
Мучительно. Мы медленно спешили
Путь, отнимающий десятилетия,
Прodelать, нехотя, за полминуты,
Забыв, что лишь пространство позволяет
Такие шутки, но никак не время,
Которое совсем не изменило
Своим привычкам. Разве нам дорога
Не обещала сорок лет пустыни...

БОЛЬНОЙ

Сердце надсаживается, сжимая боль.

И, минуя слова, сознание отсылает

на угловой

мысль, упругую, но потерянную тобой,

как неловким школьником мячик на мостовой.

Я вспоминала бы римлян, глядя на жесткий строй

сизых, коротко стриженных твоих волос, на лоб,

но подбородок, очерченный Брейгелем, выдает второй
план — провалившегося, бессловесного рта.

Озноб.

Оцепенение. Кого поведут? Куда?

Взгляд, только что отразивший меня зеркально, — пуст,
младенчески безразлично-пристален.

Так остывает звезда,
заблудившись в пятиугольном лабиринте чувств.

*Барух дайан хаэмет**

Теперь ты знаешь правду.
Наконец,
Структура вечности, устройство мира
Распахнуты, открыты, несомненны.
Что сумрачный пунктир последних лет —
Морзянка пульса, вздохов, взглядов, звуков —
Нить Ариадны в лабиринте смысла?
Оборвана. Душа уже летит
Сквозь паутину хаоса, сквозь тьму
Беспамятства, младенчество и старость
Туда, где жаждущий находит правду,
Благословен, среди прозрачных истин.
Я думаю, ты потому не верил,
Что вера — незаслуженно легка,
А к легкости тебя не приучили.
Но там, куда устремлены все взгляды
И до поры лишь виден Млечный Путь,
Там знание не поколеблет веру.
Ты знаешь правду там, и я спокойна.

* «Благословен Судья Праведный» (древнеевр.) — из заупокойной молитвы.

ВРЕМЕНА ГОДА

В. Ш.

Сдерни с дерева мертвый дубовый лист,
Вслед за ним зима отпадет от подсохшей ранки тоже.
Март, рассеянно, как невыспавшийся стилист,
Начинает каждое утро дождем расхожим.

Запылила верба ветренице в подол.
И пока мы думали, что у нас там за праздник,
Указательной стрелкой к радости куст расцвел,
И защелкал в нем — или это бред? — разбойник, проказник.

Ты не верь моим фантазиям. Кто же знал,
Что себе я и соловей, и роза, ловец, и щегол, и клетка,
И куда меня отправит Детскосельский,
Пушкинский тот вокзал,
Железнодорожная, вырицкая уведет ветка.

Не торопи зиму. Кажется, так дышать
можно только зимой. Крепче сожму виски
шапкой. Наличие в кармане карандаша
не обещает приближения слов. Близки
заговорщики — тени, дома, деревья — как будто снег,
скрадывая цвета и звуки,
танцую галоп, гавот,
совершает свержение неба на землю, мятеж, побег,
а не этот школьный — воды в природе — круговорот.
Не торопи зиму. Узнай в ней друга, врага,
не наставника, но все-таки собеседника.

Приучи
пятницу смотреться в льдистое зеркало четверга.
Постарайся запомнить сны.

А когда грачи —
или кто здесь числится в перелетных — наперебой
заспешат обратно гнездиться на ветках подросших дней,
это не зима кончится — между тобой и мной
расстояние станет еще длинней.

* * *

Гражданства осени никто мне не давал
И впопыхах не заберет обратно.
В погожий день — высокий идеал,
Дождливым днем приближен многократно.
Ему — присяга, и ему — салют,
Пока сменяют рыжим стяг зеленый.
И гимны, и молитвы здесь поют,
Обнявши древко полкового клена.

INVERNO*

- 1 На лужах лед, и вниз, в разрывы туч
глядит зима: готовы мы? Нисколько.
Всегда врасплох. Последний теплый луч
грозит нам неизбежной неустойкой.

Зима придумана для забытья, для сна,
а нам, неспящим, служит наказаньем.
В Италии рифмуется она
со словом ад, и не спастись незнаньем.

- 2 Листья пооблетели. Небу нет до земли
Никакого дела. Ноябрью заниматься нечем.
Разве что доказывать, будто птицы могли —
Захоти они вдруг — остаться. Сверчком запечным
Становится пора. Но когда изо всех щелей
Заскулит зима, загоняя под одеяло,
Ты услышишь голос, он будет щегла щедрей.
Меньше я бы и обещать не стала.

*inverno (*итал.*) — зима; ад — inferno (*итал.*)

3

То вьюга меня целовала.
А. Блок

Приручи холод словом ласковым каким-нибудь.
Вот — поэмка, вьюга — собственные, почти, имена.
Тот, кто хочет вокруг пальца нас обвести, обмануть,
Безымянным машет, шелковым у окна.

И уже метель поет нам песенку: баю-бай,
А мороз укутывает снежком...

Не зови
Это смертью, пространством, временем. Имя дай
Одиночеству, скопившемуся в крови.

ПИСЬМО НА ЛИСТЬЯХ

Какого цвета кроны? Восхитительного, благодарю. Даже часть спектра поименовать не хватило б года. Лучше один раз увидеть, как бостонскому октябрю помогает разгулявшаяся погода.

Что ты все-таки больше любишь: открывать новое? Узнавать старое? Смотреть в зеркало? В телескоп? Отвертку поворачивать? Уезжать? Прибывать? Бесконечность, упрятанную в колеса, или восьмерку?

Я и спрашивать бы не стала, потому что любой прогноз погоды надежнее переписки. Что касается цвета глаз у прохожего... Кажется, на такой вопрос не отвечают, да и не ждут ответа.

Но сейчас под рукой столько листьев (у нас до утра ураган бушевал, как Самсон в Филистимском храме), что слова покорно ложатся на них, и уже пора отправлять письмо с отступающими ветрами.

ОСЕНЬ

Все зовется именем твоим
непроизносимым.
Нет у сил у слова — славить дым,
права — быть бессильным.
Снега на голову? сквозняка?
радуги? Какого знака
жду, когда тянусь издалека
встречь тебе?

Бумага
терпит. Будто лучше ей белеть
в стопке — старой деве.
День — мучительно хорош.
Ответь,
улыбнись во гневе.

ВОДЯНЫЕ ЗНАКИ

Красный, синий, зеленый. В горсти цветá —
Чашки из облитой глазурью глины.
Разобьешь — не услышат. Наглухо заперта
Дверь.

Песне, скорее последней, чем лебединой,
Ни к чему слова. Но первобытный цвет
Вьется по нитке голоса. К черту полутона.
Синий, зеленый... Вытягивается хребет
Красок, звуков. Как это там? Отдана? Верна?

СКАЗКА СКАЗОК

...Придёт серенький волчок...

Ю. Норштейну

Это время или пыль? Это сказка или быль?
Это Феникс? это голубь? глянцевого автомобиль?

Куст ракитовый пророс,
Нет ответа, есть вопрос.

Кричит дитя, кипит работа
До сумерек, пока светло.
За всем подсматривает кто-то
И пишет прямо набело.
Там на неведомых дорожках,
Там по невидимой реке...
Дымится свет, и дремлет кошка,
И весла тонут в молоке.
Это правда или ложь? Это Выборг или Ош?
Это детство? это Моцарт? тормозов ночной галдеж?

Куст ракитовый пророс,
Горя много, мало слёз.

Перепеты все песни, пересчитана сдача,
Снегопады похожи, города и года,
Не получится встреча, потому что удача
Ненадежная сводня и теперь, как тогда.
Утомленное солнце заколочено в доме,
Заколдовано в круге меж фонарных столбов,
В ночь уходят составы и солдаты, и кроме,
Кроме жизни и смерти, нет на свете врагов.
Это угли или прах? Это выдох или ах!?
Это ясность возвращенья или бегство впопыхах?

Куст ракитовый пророс,
Ты не смейся, я всерьез.

Ане К.

Детские руки — недетские —
ритмов и трелей сильней.

Проблески далей,
соседские

мальчики.

Что это с ней
сделалось?

Тучу не вылечишь,
ливнем ударить должно
в землю, чтоб прынуло выше,
чем

клен, заслонивший окно.

Взрослые губы — невзрослые —
детской улыбкой круглишь.

Звуки по дому разбросаны,
так-то за ними следишь.

Можно еще и с игрушками, —
сказочно освобожден

путь,

и омыты веснушками
руки, как тропы — дождем.

Дивный я зверь какой —
весь в золотом руне.
Ю. Мориц

Диковинный зверь, золотой.
Метафора? Стон? Провиденье?
Поверх сновидений — горой,
Синаем, сивиллой, водой ледяной
За шиворот — освобожденье.
Галопом, глаголом, грозой,
Глазами, косящими гневно
И нежно. Рукой, как лозой,
Жест следует речи.

Напевно,
Протяжно нанизанный звук
Вдруг щелкает об пол, как бисер
Рассыпанных перлов из рук,
Как плач и проклятие.

Чисел
Буквальность и букв западня,
Для чтенья развернутый свиток,
Небесный — в сумятице дня
Оставленный в чаше — напиток.

Говори. Что ты хочешь сказать?

С. Гандлевский

Сухо в горле, и неглубока,
Коротка до дверей перспектива.
Голос ткнулся в порог потолка —
«Час, час десять с глотком перерыва».
А потом потекла эта речь —
То ли песнь, то ли дождь в водостоке,
И слеза, и железо, и желчь,
И взросление в сжатые сроки...
Знать, чума разгулялась вполне
Средь народного шума и гама,
Что, охрипый, слышался мне
Голос школьника и Вальсингама.

Светильник светил, и тропа расширялась.

И. Бродский

Больше некого спрашивать. Знаешь, когда ответ
Приходит раньше, когда он точнее вопроса
И прямодушной. Строишь его на свет —
Видишь водяные знаки стихов. И просто
Сходишь с берега в лодку. Вот у какой реки
Мы оказались. Чей-то сильный, гулкий
Голос еще вычерчивает круги,
Сопротивляясь прямизне прогулки.
Так заканчивают, так начинают путь,
Находя на ощупь источник света,
Поворачивая — как подсолнух — лицо и грудь
К непреложности подсказанного ответа.

Приходил во сне, говорил со мной,
Как с хорошей знакомой. Молчал, курил,
Узнавал кого-то, сюжет сквозной
Обсуждал с хозяйкой и ей дарил.
За собой не звал, не читал стихи,
Не смотрел в глаза, просто рядом был,
Отказался всем отпустить грехи,
Так, отщучивался, иногда грубил.
Не портрет из газеты, не полка книг, —
Сон подробный, точный, в таких привык
И при жизни сниться, чтобы самой
Пустоте, знакомой, как волчий вой,
Как топтун под окнами и конвой,
Лишний раз успеть показать язык...

Скорый, ночной, проходящий автобус,
Дом наш некрепкий, в который, не горбясь,
Входим и жизнь проживаем за час,
Спутника профиль и скошенный глаз
Соединяя в спасительный образ.

Разве не знаешь, — душа никому
Не подчинится. Печалься, ликуя,
Странствуя, празднуя, плача, целуя,
Помнит свое назначенье — любую
Тучу пробьет, возвращаясь к нему...
Где уж с ней справиться сердцу, уму...

ВАРИАНТ

Niemand knetet uns wieder aus Erde und Lehm.
*Paul Celan**

Не нас ли сегодня слепили из глины,
Налив молодой несгустившейся кровью,
Кипящей, как новорожденные вина,
Нет, сок виноградный, наивным здоровьем.
И слух, как ракетку, держа наготове,
Мы ловим названий прямые подачи.
А слово, дразня, ударяет над бровью —
Как только что созданный мир, однозначно.
Еще не рассыпана манна глаголов,
И дождь прилагательных льется без цели
Сквозь точность наречий, колючих и голых,
Пока мы друг друга назвать не успели.

* Никто не вылепит нас вновь из земли и глины (нем.). Пауль Целан.

ФАРАОН — ИОСИФУ

Когда ты мне мои толкуешь сны,
которые тотчас пошли сбываться,
то, кажется, и я легко читаю
твою судьбу. Она переплелась
с предсказанным. И, выйдя из начал
чуть видных мне — так далеко я вижу, —
она становится рекой, потоком,
а после — деревом, таким высоким,
каких, поди, в Египте и не сыщешь.
Мы оба молоды, но я, как будто, старше.
То, что в моей крови — песок и известь,
в твоей — тростник и быстрая вода.
То, что в моей — уверенная тяжесть,
в твоей — нацеленная несомненность.
Твоя судьба летит стрелой из лука,
и толща времени, как горный воздух,
ей поддается. Я еще дышу,
но боги ждут, и дом уже построен,
в котором сам я тоже стану богом.
А ты всегда в божественной узде,
в своем неназываемом служенье
благословен и, значит, благосклонен,
не озабочен вечностью, но вечность
из виду тебя уже не выпустит...

В трех заблудиться скамейках садовых
и целоваться на темных задворках —
счастье, к которому я не готова?
Или, засевший в печенках, в подкорках,
ужас? отчаянье? Бегство в Египет.
Ослик, корзина, кувшин. Под оливой
брошенный скарб. Небо звездами сыплет,
и небожитель глядит молчаливо.
Нет, не спрошу: свет мой, зеркальце...

Ангел —

видящий, вещий — стоит, не решаясь
вымолвить правду. Как вспыхнувший магний,
не темноту, тишину нарушает
взгляд, говорящий: не надо бояться,
все, что записано в книге, — случится.
Так или иначе, полностью, вкратце.
Все, вплоть до вырванной этой страницы.

Косноязычен? Нет, — многоязык.
Из тех же ты подкидышей-младенцев,
кто материнским молоком вспоен.
Чужой земли и стад, чужих законов
невольный выкормыш.

Чья кровь и чья вина,
прорвав плотину, заливают щеки?
Какая ночь твой углубила взгляд,
чьи звезды
улыбку высветлили?

Чья судьба
не судит, но, пускай, тебя разбудит?
И не надейся, что горящий куст —
пуст — груда ржавого железа...
Косноязычен? Вечен.

Так вчерне
начертано. Косноязычен?

Да.

Поздно начинают говорить
дважды рожденные.

Из камышовых люлек.

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ

1. ПРОСЬБА

Откуда это вверх по ступеням дыханье
в обыденной необязательной речи?
Каждое тире — вдох. Трепыханье
запятых — как при встрече
мотылька с огнем горящей лампы —
дотлевают углями многоточий...
Вышел месяц из тумана... Попадешься к нему в лапы...
Научи меня хорошее напророчить.

2. ИГРА С ОГНЕМ

Стоит ли разгадывать загадки?
Вспомни ставшего царем в Фивах
Прежде, чем расправлять судьбе складки
Тяжелых одежд ее, горделивых.

Так нашептывает осторожный кто-то,
Не придумывай, что это — разум.
Разуму, наоборот, охота
Не шестым чувством быть, а третьим глазом.

3. ПРОЩАНИЕ

Дар это или удар судьбы, наказание —
Узнавать себе ровню даже не с полуслова.
Взгляд быстрее знания дает названье,
Отвечает и спрашивает снова.

Ну а то, что ты у вечности подслушал,
Бесконечность все равно разболтает.
Расстояние — родня равнодушью
И любого с ним побратает.

ВАРИАНТ. ДАВИД

Голиаф не побит, но знаменья уже обещали:
Ты — помазан, ты — избран на этот пожизненный труд.
Блещут камни в ручье, и в руке у тебя не праща ли?
Улюлюкает войско, а овцы в горах подождут.

Одиночество.

Эти сжатые крепкие веки
Взгляд прожжет черно-белый.
В какие тебя ни ряди
Дорогие доспехи, бывшие столетия — веки,
И грядущее — века на твоём бесконечном пути.

Остается идти. Мой Давид, мой Иаков, мой кравчий.
Проще, может быть, греком родиться,
но ты — иудей.
Свет играет на книге тенями, рассеян и крапчат,
Дверь балкона открыта
для ангелов и для людей.

ВАРИАНТ. ИКАР

A. Rozenshtein

Значит ли, что еще не пора? Скажи.
Одичалый апрельский снег упрятав,
Ветер в голубые ножны вложил
Ножи, сырой наводя порядок.

Если все-таки еще не пора, дай знак.
Солнце жмет на педали, ломая спицы.
Или это Земля раскрутилась так
И не хочет остановиться.

Неужели еще не пора, ответь,
Мышцею простертой — на гнев? на милость?
Дать, как пахарю — плуг, как рыбаку — сеть,
Мне — твердь, чтоб об нее разбилась?

МЕДЕЯ

Ни так завывать, ни этак закричать.
Все этажи ночной небесной тверди
Объяты скорбью. Вспыхнуть и умчаться
На колеснице мщения и смерти,
Как из огня да в полымя.

Печать

Любви — нещадно прогнанной сквозь строй
Зубов драконьих ревности и рока —
Сломать.

Ни зельем, ни водой сырой
Не оживить любовь. Куда как строго:
За преданность — безумие.

Укрой

Полой ночного, вечного плаща
Следы злодейств отчаянных, Геката,
Она тебе служила, и прощать
Ты не учила.

Жертва виновата,
У палача спасения ища?

...потому что это — доля его...
Экклезиаст

Посягая на, возвышаясь над,
Попадаешь в тот же крошечный ад,
Где глаза разъедает колющий свет
Совести, у которой пощады нет.

Все уже случилось, и впереди
Только то, что было. Его пути,
Как следы динозавра, бросают в дрожь,
Их заполнит завтра вчерашний дождь.

Не завидуй мертвым, успеешь плыть
В их бессечном множестве, каплей быть
В мутном, сером стоке реки времен,
Уводящем от горизонта вон.

В том ли мудрость, чтоб от наплыва слов
В напряженных жилах не стыла кровь,
И судьба, катясь, как луна в ночи,
За собой манила: иди, молчи.

Нерожденному не завидуй, он —
Как роса и снег — чист и обделен
Даже плотью, формой скудельной, но
Содержащей новую жизнь, зерно,
И моменты воли — подобья той,
Что лепила глины комок крутой.

В ДОЖДЬ
ГОРОДА ПОХОЖИ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ — ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ПРИСНИВШЕМУСЯ ГОРОДУ

Если ты загадаешь увидеть меня, отходя ко сну,
Не удивляйся городу, пойманному на блесну
Реки. Там, где она огибает стриженных лип кольцо,
Будет мое лицо.

Видишь, на север, запад, юг, восток здесь течет вода.
Выбери любой парапет и вдоль него, туда
Следуй, где площадь, мост или сад (только не проворонь),
— Это моя ладонь.

Здравствуй, вот и свиделись. Здесь ли я не найду,
Что подарить в дорогу бросившему чехарду
Детских провинциальных привычек? Ночь с моего плеча
Вместо плаща.

СУМЕРКИ. НАБЕРЕЖНАЯ. ТЕЛЬ-АВИВ

Только сумерки — потому что ночью все кошки серы —
Уравняют тревогу слов с белизной бумаги.
В это время суток, когда не хватает веры,
Запускается механизм отваги.

Это в сумерках равнозначен и согласован
Всякий предмет, человек и звук. От избытка тени
Так свободно в пространстве береговом, басовом,
Что теряешься от загадок и совпадений.

В сумерках взгляд, догоняя даль, если к ней привычен,
Следует за отливом, с его повадками попрошаек,
Уличных фокусников, тех, кому безразличен
Адрес их, округленный до полушарий.

ПРОГУЛКА В ДОЖДЬ. ИЕРУСАЛИМ

Дождь сговорился с ветром, и от шершавых стен,
Куполов, смотровых площадок, ворот и башен
Отмывается время, к ним приникшее с тем
Только, чтоб не казался страшен
Лик его в пустоте.

В дождь города похожи, оставаясь собой.
И никогда не виденное узнается сразу.
Тысячелетия, смытые прописью дождевой,
Отправляются ночевать на базу.
Вереницей, гурьбой.

И, принимая века за свое жилье,
За бегущий узор на сувенирном блюде,
Мы убеждаем себя вполголоса: так же льет,
Как тогда, значит, можно еще вернуться
В этот город и тот...

ПАРИЖ

1

...Плас де Вож
по-прежнему, скажу тебе, квадратна.
И. Бродский

Квадратна.

Розовый кирпич
и сырость предлагают сходство
с утробой. Ищешь благородства
и — покупаешься на кич.
Два мусорных зеленых бака
дежурят в позе часовых
у бывшего дворца.

Однако,
как доски мраморные, их
не замечаешь...

И едва ли
базедовы глаза мансард
укажут: здесь четвертовали
убийцу короля.

Назад
не отмотать и половины
веков невежеству.

С повинной
вхожу в светлеющую мглу.
Нелюдно, одинокий гений
из восходящих поколений
считает мелочь на углу.
Он просит денег по-английски.
Его штаны, какobelisksи,
испещрены во всю длину
неведомыми письменами...
Жаль, если выдумана нами
утроба времени.

2. ДАМА С ЕДИНОРОГОМ. МУЗЕЙ КЛЮНИ

Н. Ладыженской

Пёстро заткан луг цветами,
Лев поляну сторожит.
И ничто прекрасной даме
В этом сказочном бедламе,
Как в эдеме, не грозит.

Вместо вечности и тлена,
Нам обещанных равно,
Ей — царице гобелена,
Словно пленнице без плена, —
Лишь прекрасное дано.

Сладко тешить слух и зренье,
Птиц кормить, плести венки;
Розы, ветра дуновенье,
Нежность, щедрость, умиление.
И в друзьях — единорог.

Гибкость шелка, твердость рога,
Преданность зверей и слуг...
Отчего ж тогда тревога
И, решительно и строго,
Перемена эта вдруг?

Выткано — с груди снимает
Ожерелье, в ларь кладет.
Сердце разумом играет,
Тлен и вечность выбирает
И поэтому — живет.

БЫТЬ СОБОЙ

* * *

То — смиренье, то — отчаянье,
То — прощенье, то — вина,
Оправданье, обещание,
Свет, стремнина, глубина.

Мне уже судьбой отвешано,
Больше нечего просить.
Но прости кого-то грешного,
Безвиновного спаси.

ПОДРАЖАНИЯ

1

Покуда мне, как из бутылки джинны,
На первый зов являться будут строки,
Позиции мои не сокрушимы
Ни одиночеством, ни наказаньем строгим.
Отчаяние и тоска некстати,
Тем более, что рвется там, где тонко.
Как от груди подростшего дитятю
Отваживали колкою гребенкой,
Так я скажу: наш договор расторгнут.
Сегодня. Во саду ли, в огороде.
Ты не был прихотью. Но — хлебом и восторгом.
И воздухом. И должен быть свободен.

2

Нет у меня ничего,
Кроме заботы и долга.
Слово — несыто, как волк —
Смотрит на книжную полку.

Как хороши имена
В перечислении первом.
Солнечный луч из окна
Между Толстым и Флобером

Остановился. Его
Шуткой со счетов не сбросишь.
Нет у меня ничего.
Ты ничего и не просишь.

3

Бедный ангел, ты меня покинул,
Потерял из виду. Видно, клином
Не сошелся свет, метнувшись вниз.

Среди слов, которые не значат
Ничего, и жизнь уже маячит.
Ноги свесив, села на карниз.

Что хранил, и сам не разобрал ты,
Кажется. Подвох настенной карты
В плоскости стены, на полюсах.
Был ты точно ангел? Или просто
Ангельского голоса и роста
И с привычкой к нимбу в волосах?

Прости мне мою горечь. Сдавленный горизонт.
Небо с овчинку, еще и грозящее приговором.
Стыдно стоять в углу, но, как забытый зонт,
Стискиваю пружины ожиданьем притворным.

Так преломляют хлеб отвергнутого родства
И расщепляют провинциальный атом
Радости, памятуя, что у судьбы раз, два
И обчелся правых. А виноватым

Клятвы и обещания — мельче сдачи с рубля.
Назначенное сбывается даже вдогонку, в спину.
Стоит ли удивляться, что мне и приличия для
Не интересно знать: на кого я тебя покину.

* * *

Цвели бы липы в них подряд,
Гуськом, в затылок...

Б. Пастернак

Закрой глаза, открой глаза, закрой.
Постой, и я глаза закрою.
Неуловимый местности покрой,
Где строй цветущих лип нам был паролем.
Цветущих лип четырехстопный строй,
Гуськом, в затылок радости и боли.
А мы? Приснились мы друг другу, что ли?
Открой глаза, закрой глаза, открой.

ПЕСЕНКИ

1. БОСТОНСКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

Лодки тычутся в пирс деревянный,
между досок проросший травой.
Можно думать про дальние страны,
если берег не видеть другой.
Нету дальних, пружина разжалась,
и сейчас объяснят в новостях,
что скупую, протяжную жалость
к расстояниям нам не простят.
Набери на компьютере номер,
электронную почту прочти.
Все в нее умещается, кроме...
Все в ней кажется правдой, почти...
И в прессованную, made in China,
вечность выйти не стоит труда.
Вот когда пригодится молчанье,
вся его золотая руда.

2. МОЛИТВА

В быт, как в скит, погружена,
Проживу и без тебя.
Мать, разумная жена,
Ужинаю без тебя.
Звуками окружена,
Вижу, слышу без тебя.
Слов — что птиц вокруг пшена,
Можно жить и без тебя.

Не тобой обижена,
Не докликнусь до тебя.
Глубина и вышина —
Не отыщешь в них тебя.
Сколько света и тепла
Расплескала, пролила

И, как лодка без весла,
Никуда не приплыла.

3. ДЖАЗ

Я читаю книги и, кончив одну,
открываю сразу другую:
каждая обо мне, каждая обо мне...
Кровь разносит по жилам слова,
и остановка кажется
если не смертью, то — сном,
но называется — сумерки.
В них, как дорога в лесу,
начинается время.
Время вышагивать жизнь,
вытягивать нить мысли,
плавить края памяти.
Время приливов, отливов,
не тайны еще,
но
знанья о ней,
неторопливых приготовлений куколки.
Время не слепоты и не зрения.
Созерцания.
Сумерки.

Дар сумерек.

Клад, видимый всем,
ни у кого не отнятый.
Наше сокровище.
Скрытый под пеплом огонь.
Ритм.

Биение.

Бег, бег, бег, бег.
Остановка,

возвращение.

Да, вернуться в начало отсчета,
сделаться точкой,
упругой, как мысль узника о побеге,
тугой,
как завязь яблока.
Наши, до третьей звезды,
сумерки.

4. С ИСПАНСКОГО

Если ты — ветер, я — парус,
Если ты — парус, я — ветер.
Крепко мы обнимались,
И никто не заметил.

Если ты — дождь, я — туча,
Ты — облако, я — ливень.
Выгучи на случай,
Если мое имя

Забудешь.
Ты — крик, я — эхо,
Ты — песня, я — в ней слово,
Ты — саженец, я — вежа.
Ты ждешь, я уже готова
Улететь.

5. ПРИЧИТАНИЕ

Надо было сначала мне ослепнуть,
Чтобы после видеть научиться.
Надо было стать дымом, пеплом,
Чтобы снова — небом и землей чистой.

Надо было подружиться с горем,
Чтобы страха уже не бояться.
Надо было вековать век за морем,
Чтобы на один денек повстречаться.

Так напряженно быть должны мы врозь,
Чтоб даже и при виде ветки голой
Ты вспоминал меня. Все обошлось.
Шучу.

Несовершенные глаголы
Еще к бумаге рвутся на авось,
Как раньше к телефону.

Угловат

Сюжет и узок, неудачно скроен,
Но не сюжет, а лампа — сорок ватт —
Мешает видеть дождь, идущий строем
За окнами. Никто не виноват.
Погасим свет. Щелчок. Пространства — нет.
Чем ты докажешь, что меня не помнишь?
Молчанием? По мне, оно — ответ,
Которому не требуется помощь
Бумаги, голоса, иных примет.
Нам повезло: мы встретились.

Теперь

Не страшно даже оказаться в нетях.
Читаю, как по азбуке потерь, —
If ever, now, — в шекспировском сонете.
Да, в девяностом. Перечти, проверь.

ИЗ БЕНА ДЖОНСОНА

Стихами я не чествую любовь,
Возлюбленные мною не воспеты,
Пытаюсь ревность жгучую богов
Перевести на низкие предметы,

Но лучшие стихи я напишу,
Когда, тебя удерживать не в силах,
Я буду знать, что я еще дышу
Лишь милостью меня предавших милых.

* * *

Слуга волшебному смычку
И ветру спутница слепому,
Потерянному башмачку
Я пару не храню.

Любому,
Кто ищет свой хрустальный след,
Удача да спрямляет путь.
А мне весь нужен белый свет,
Чтобы тебе его вернуть.

На прощанье не махну рукой. Незнакомым жестом,
Итальянским, позову в глубину ладони;
Нам и некуда больше, «вместе» не будет местом
Нас вместившим, просто *судьба* антоним
Жизни, где я незаметно стала собой... и словом
Неприкаянным, упрямым и безрассудным.
Быть собой — звучит почти как «на всем готовом»,
И потому оказывается нетрудным.
Вот я и не дорожу ни адресом, ни сюжетом,
Ни, тем более, именем, что так легко утратить.
Только память тяжело терять, но об этом
Никому уже не расскажут листки тетради.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЛОМЕННЫЕ ЗВЕЗДЫ

«В чужом — дрожание соломенной звезды...»	4
«Запусти мне воздушного змея...»	5
«Так далеко от меня все, что кажется близким...»	6
«Разнузданся в нашем веке ужас...»	7
«Сколько грусти в твоём лаконичном письме...»	8
«Вот если бы не сгоряча, не с горя...»	9
«Изгнанья не было и бегства, впрочем, тоже...»	10
Больной	11

ВРЕМЕНА ГОДА

«Теперь ты знаешь правду...»	12
«Сдерни с дерева мертвый дубовый лист...»	14
«Не торопи зиму. Кажется, так дышать...»	15
«Гражданства осени никто мне не давал...»	16
Inverno	17
«Зима пройдет, и мы...»	18
Письмо на листьях	19
Осень	20

ВОДЯНЫЕ ЗНАКИ

«Не ищи во мне порока, пророка...»	22
«Красный, синий, зеленый. В горсти цвета...»	23
Сказка сказок	24
«Детские руки — недетские...»	25
«Диковинный зверь, золотой...»	26
«Сухо в горле, и неглубока...»	27
1996	28
«Приходил во сне, говорил со мной...»	29
«Скорый, ночной, проходящий автобус...»	30

ВАРИАНТ

«Не нас ли сегодня слепили из глины...»	32
«Не верь, что мне и этот город мал...»	33
Фараон — Иосифу	34
«В трех заблудиться скамейках садовых...»	35
«Косноязычен? Нет, — многоязык...»	36
Вариации на тему	37
Медея	39
«Посягая на, возвышаясь над...»	40

В ДОЖДЬ ГОРОДА ПОХОЖИ

Колыбельная — путеводитель по приснившемуся городу	43
Сумерки. набережная. Тель-Авив	44
Прогулка в дождь. Иерусалим	45

БЫТЬ СОВОЙ

Париж	46
«То — смиренность, то — отчаянье...»	50
Подражания	51
«Прости мне мою горечь. Сдавленный горизонт...»	53
«Закрой глаза, открой глаза, закрой...»	54
Песенки	55
«Так напряженно быть должны мы врозь...»	58
Из Бена Джонсона	59
«Слуга волшебному смычку...»	60
«На прощанье не махну рукой. Незнакомым жестом...»	61

М. Эскина. Колючий свет. Вторая книга стихотворений. — СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2002. — 64 с.

ISBN 5-89803-102-2

ББК 84. Р7

Эскина Марина

Колючий свет

Издательство «Пушкинского фонда», Санкт-Петербург, 2002

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

Издательство «Пушкинского фонда»

191186, Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, 12

Заказ № 269.

Отпечатано в типографии ООО «ИПК “Бионт”»
199026, Санкт-Петербург, Средний пр. ВО., д. 86,
тел. (812) 322-68-43